

И Л Э Л Ь В И Н

Новый роман Ванды Василевской

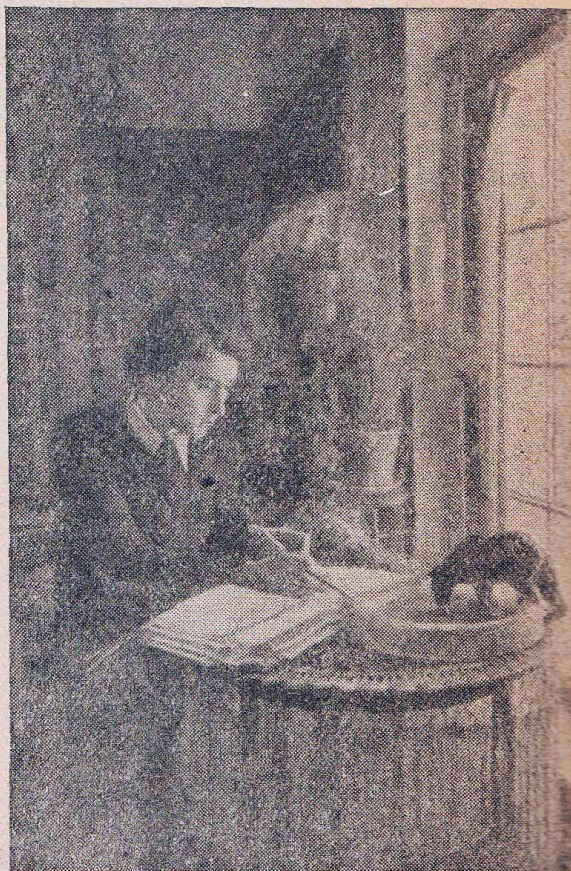
1

Ванда Василевская не принадлежит к числу тех художников, которые замыкаются в рамках какой-нибудь хорошо изученной им темы, чтобы затем в некоем новом ракурсе изображать одну и ту же социальную среду и давно уже знакомые читателю образы. Каждое новое произведение Ванды Василевской — это новое слово, новый, более высокий этап в ее творчестве.

И в этом смысле последний роман Василевской «Огни над болотами» весьма примечателен. Василевская сумела в нем показать, что под внешним покровом инертности идет могучий процесс революционирования крестьянских масс, процесс политического созревания народа, складывается массовая революционная организация. Эта внутренняя сила сопротивления масс, это пламя протеста, которое разгорается под обманчивой пеленой внешнего покоя и подчас вырывается наружу огненными столбами, пронизывает собой весь роман, служит его подтекстом.

Поэтому можно утверждать, что новый роман является идейно более зрелым произведением, нежели «Земля в ярме», где звучит тема стихийного мужицкого бунта, — не говоря уже о первых двух ее романах: «Облик дня» и «Родина». (Видный польский критик, Юрий Борейша, считает «Землю в ярме» первым зрелым произведением Василевской.) В художественном отношении «Огни» не уступают «Земле»: правда, некоторая композиционная фрагментарность, свойственная прежним романам Василевской, характерна и для нового ее произведения.

Действие романа разворачивается в Полесье, в среде крестьян-полешуков — белоруссов. Таким образом, в новом романе Василевской тема угнетения крестьянства переплетается с темой национального гнета. Работе над ро-

Ванда Василевская за работой. 24 марта 1940 г. Ванда Василевская избрана депутатом Верховного Совета СССР

маном предшествовало тщательное изучение этой окраины панской Польши.

Природа Полесья произвела неотразимое впечатление на писательницу. В очерке «Сказка», напечатанном в львовском журнале «Сигналы» в 1938 году, Василевская писала:

«Если где-нибудь жива сказка, то именно здесь, на Воланском озере. От берега к берегу раскинулась зеленая чаща. Лишь кое-где мелькает водная плешь. Со дна поднимается подводный дремучий лес, весло запутывается в длинных стеблях, погружается в

пловучие дюны листьев. Надо искать прохода в зарослях камыша, среди густых поясов тростника, среди гущи стеблей. Минуту, не более, за нашим каяком еще виднеется чистая дорожка воды, но не успеешь два-три раза взмахнуть веслом, как уже зеленый свод сомкнулся над пучиной. А наверху — сверкающие белых крыльев чайки-рыболова, пронзительный крик цапель, стаи уток, дикий, немолчный, шумный крылатый мир. Едва заметный, движется каяк по этому птичьему царству, затерявшемуся в зеленой пуще, в безлюдье, где перестаешь верить в существование человека.

Позже окажется, что именно Волянское озеро — это подстерегающая в зеленой засаде смерть. Сорок метров ила, а над илом так мало воды, что не проплыть. Но наш каяк гладко скользит по поверхности пловучей топи, по верхушкам водорослей, густым ковром покрывающим ил.

Но нас ожидает еще Белое озеро...

Широко, далеко открывается перед нами Белое озеро в раме леса. Девственно голубая струится вода в кольце черных сосен. Плещет вода, потревоженная ударами крыльев чаек. Далеко, далеко движется лазурная волна. Лоснится вода золотистым блеском. Монотонную, стоголосую песнь поет Белое озеро темным дубравам, зеленым чащам без тропинок и дорог, полянам, заросшим густым кустарником... Колышется, плывет, лоснится и таинственный заговор шепчет бескрайная вода.

В белой мгле спускается над Белым озером ночь, и во мраке ночи при блеске звезд стоит над озером шелест и шум, неумолкающая ни на мгновение озерная песнь, гармония волн, стоустый шопот легенды. Над вершинами деревьев проносится едва ощутимый ветерок, покачивая ветви могучих ольх, растущих над белозерским каналом, и в ночной тишине звучит дуэт воды и леса...

Раз побывав в Полесье, вы уже не сможете освободиться от страстного томления по этому краю, от жажды вновь побывать здесь и заглянуть в тайники непрерывного становления, беспрерывных изменений, услышать биение обнаженного сердца земли.

Такой увидела Василевская природу Полесья. Но пленившие ее виды не заслонили от нее судеб людей, живущих среди этих водных просторов. В «Постскриптуме» к своей «Сказке» Василевская говорит:

«Из показанного в этом году в польских кинотеатрах короткометражного фильма о Полесье вырезано почти все, что давало представление о жизни людей в этом чарующем зеленом мире — о жестоких, страшных, мрачных сторонах чудесной сказки. Но это — сказки... часть вторая».

В этих последних словах уже звучало обещание писательницы сорвать налет красиво-

сти, показать ту реальность, которую цензура сочла необходимым скрыть от зрителя. И вот перед нами — «сказки часть вторая» — жестокая, страшная повесть о людях Полесья.

На страницах польских газет изредка появлялись более или менее правдивые заметки о жизни крестьян Полесья. Вот некоторые из этих заметок, относящиеся к последним годам существования панской Польши. «Заглянем в уезды, расположенные на границе Волыни и Полесья. В низкой хибарке живут люди вместе со скотиной. Главное и единственное питание крестьян — картофель и соленые огурцы. Хлеба нет, масла нет, о мясе давно забыли. Сахар существует только в несбыточных мечтах. Можно обойти всю деревню и не достать кусочка солонины. Готовят пищу самым примитивным образом. Утром варят картошку на весь день и поливают ее огуречным рассолом... По дорогам бродят голодные дети, бледные, изможденные. Керосин и махорка давно стали предметом роскоши. Крестьяне пользуются лучиной» («Иллюстрированы курьер цодзенны», корреспонденция доктора Петерса).

«Полесский крестьянин более не употребляет железных гвоздей, заменяя их деревянными. Он перестает пользоваться железным топором, потому что старый уже не годится, а новый не на что купить... Входит в употребление каменный топор. Даже зубчатый вал в машине, — а соломорезка — это единственная машина, известная в этих краях, — изготавливается из твердых пород дерева, главным образом из ясеня... Оторванный от цивилизованного мира, полесский крестьянин ведет жизнь пещерного человека: курная хата по своему комфорту не многим отличается от пещеры» («Вечур варшавский»).

Таковы условия человеческого существования, в которых живут и действуют герои романа Ванды Василевской.

2

Деревня Ольшины — одна из многих сотен полесских деревень, затерявшихся среди озер и болот: нищая, истощенная поборами и налогами, с типичными для национальных «кресов» Польши социальными отношениями. «С наступлением весны еще сильнее стиснул деревню обруч голода. Съедены уже последние, покрывшиеся плесенью, протухшие сухонные выюны, остатки муки смешаны с мелко рубленой соломой. По ночам плакали голодные дети, не могли уснуть. И хотя высоко стояла вода, люди уходили за рыбой — единственным спасением... Каждый ловил рыбу, где хотел, — но рыбы в эту пору было мало...»

Ночью деревня погружалась в мрак, кое-где жгли лучины. «Браконьерство» — порубка

дерева, соби́рание хвороста в панском лесу, нещадно каралось. Крестьянин Кальчик был приговорен к трем годам тюрьмы, хотя: «Какое такое воровство может быть в лесу? Кто лес сажал? — Лес для всех растет. Как и рыба в воде. Но в лесу — лесничий, а на воде — пан инженер» (откупщик).

Крестьянин Павел в лесу убил бросившегося на него дикого кабана, а тушу, с помощью товарищей, притащил домой, — впервые за много месяцев могли поесть мяса досыта; начальник полицейского поста конфисковал тушу, арестовал Павла, а суд вынес приговор: 6 месяцев тюрьмы. Потому что «пан не мужик, а мужик не пан, — как говорит старуха Петручиха. — Паны законы писали, — не для мужиков, для себя... Для мужика прав нет. На то он и мужик».

Были общинные луга — сервитуты. Приехал комиссар из города, собрал мужиков, спросил, какова площадь сервитутов. У него, видите ли, нет точных данных. Он был очень приветлив и учтив, этот пан комиссар. И мужики, богатые опытом, решили: не иначе как предстоит новый налог — и назвали цифру: 200 моргов, хотя было не 200, а все 600 моргов. Комиссар не стал спорить, тотчас же «поверил», составил протокол, предложил выборным от крестьян его подписать. Мужики рады: провели пана комиссара, обманули власть. Но кулак Хмелянчук рассеивает их иллюзии, он давно знал в чем дело, знал, но про себя хранил: налог тут не при чем. Предстоит ликвидация сервитутов. Половина отойдет помещику, половина — крестьянам. Значит крестьянам достанется половина — 100 моргов, а вторая «половина» — 500 моргов — помещику. В этом диком соревновании — кто кого перехитрит — «победа» досталась комиссару, властям.

Так жили крестьяне деревни Ольшины, когда на холме, за чертой деревни, на хуторе обосновался молодой осадник Хожиняк, в прошлом легионер, участник войны против СССР. Хожиняк — один из тех десятков тысяч бывших легионеров, «выслужившихся» офицеров, чиновников, которым польское правительство выкраивало земельные угодья по 20 и более га каждое, почти исключительно на «восточных кресах» Польши, вклинивая эти угодья между участками украинских и белорусских крестьян. За 15—18 лет осадникам было выделено, главным образом, за счет беднейших крестьян, до 400 тысяч га земли и отпущено свыше 100 миллионов злотых на «обзаведение соответствующим хозяйством». Окруженные океаном мелких и мельчайших украинских и белорусских дворов, осаднические усадьбы были оплотом шпионажа за населением, проводниками великодержавной политики польской буржуазии, ее военно-полицейскими форпостами среди украинского и

белорусского населения. Немудрено, что осадники были ненавистны населению, и права была та польская газета, которая писала однажды, что «польский осадник живет на кресах, точно в осажденной крепости».

Хожиняк, по сути дела, такой же эмиссар и агент польской империалистической буржуазии. Он пришел сюда затем, чтобы «разъяснить темным русским мужикам какова эта Польша, защитить здесь польское дело». Полученный им надел он считает не только вполне заслуженной, но даже недостаточной наградой за проявленную им некогда «военную доблесть»; он не без зависти и озлобления думает о большой и хорошо оборудованной усадьбе, доставшейся неподалеку офицеру-осаднику. Он хотел бы убедить окружающих крестьян, что «питает наилучшие намерения». Себя самого он в этом убедил... Но безошибочный классовый инстинкт говорит крестьянам, что в лице Хожиняка, кем бы он ни представлялся, пришел опасный враг, волк. «В их глазах он не был Хожиняком, не был человеком, он был только осадником». «И с первого же дня никто не хотел указать ему дорогу, никто не отвечал на вопросы, мужики глядели мрачно, исподлобья, тяжелым, угрюмым взглядом. Где бы он ни находился: в поле, на лодке, у дома, — его преследовали эти взгляды, даже когда никого вблизи не было». Его подвергают бойкоту, возникшему стихийно, без всякого сговора. Хожиняк не чувствовал за собой никакой вины, даже тогда, когда стал косить сено на предоставленном ему и ранее принадлежавшем деревне лугу, он не понимал поведения крестьян, но твердо решил: не сдаваться!

И действительно, — ничто не может заставить его покинуть «проклятый край»: ни пуля, прожужжавшая у самого уха однажды в лесу, — пуля охотника, метившего в дичь, а, быть может, именно в него; ни гибель верного пса Цезаря, кем-то отравленного ночью; ни даже огонь, уничтоживший сперва его дом, а затем его зерно.

Отступать? Нет, ни за что! В Хожиняке заговорил надменный, самоуверенный панский ставленник. И когда кулак Хмелянчук намекает осаднику — не лучше ли убраться по-доброму-поздорову, — он отвечает:

«— Убраться? Сейчас? Нет... Большевикам я не дался в руки, а хамам дамся? Это хамы, хамы, хамы...». «Нет, не выкурить вам меня отсюда, сволочи. Сдохну, но не дамся».

С каждым днем обостряется эта борьба, неистовая, молчаливая, — со стиснутыми зубами, борьба не на жизнь, а на смерть. И с каждым днем и месяцем осадник, ранее невозмутимый, уравновешенный человек, который понюхал порошу и «не был трусом», который чувствовал за своей спиной всю мощь госу-

дарственной машины, стал все отчетливее сознавать свое бессилие перед непроницаемой стеной вражды. Примечательна сцена допроса крестьян из деревни Ольшины в доме солтыса (старшины) по поводу пожара на хуторе осадника. Ни один из них ни единым словом, ни намеком не выдал тайны, хотя вся деревня знала имя виновника пожара. И полицейские власти, и Хожиняк вынуждены были отступить перед этим заговором молчания.

«Полешуки — враги. Осадник всматривался в каждого по очереди, и росла в нем уверенность, что все знают, как было дело. Да как же иначе: среди бела дня, в погожий полдень... И этот солтыс, что запутывает полицейского начальника, тоже знает, и все знают; и за маской равнодушия притаился грубый смех, издевка над бесплодными усилиями незадачливых следователей, над их расспросами, отскакивающими, как горох, от стены всеобщего стовора, тайного заговора...»

Пройдет несколько месяцев и Хожиняку будет «казаться, что он сходит с ума», он будет «ощущать чье-то постороннее присутствие, чей-то неотрывный пристальный взгляд».

А тем временем ярость и злоба все нарастают в нем по мере того, как ускользал из его рук крестьянин-бедняк Иван Пискор, которого он считал непосредственным виновником своих злоключений. Хожиняк уже не возлагает больше надежд на полицию и сам отправляется на розыски Ивана. Минутами казалось, что Иван уже в его руках. Так, он обнаружил Ивана на берегу одного из озер. Но прежде чем осадник успел выхватить револьвер, он был оглушен ударом весла и без чувств свалился в воду. Не скоро оправился Хожиняк от этого удара.

Образ Хожиняка является одним из немногих, если не единственным в передовой польской литературе образом осадника «на кресах» Польши. Это тип агента польского империализма, уже невозвратно исчезнувший, как навсегда исчезли сами «кресы». Василевская мастерски вскрыла социальную и политическую функцию осадника. Художественное чутье подсказало ей, что этот образ станет отчетливым и убедительным только тогда, когда осадник будет показан не как законченный «стопроцентный» злодей, не как зверь в человеческом облике, а как обыкновенный человек, даже с неплохими задатками.

Однако трудно отделаться от ощущения, что Василевская увлеклась «психологическим рисунком» образа осадника. Ниже мы еще вернемся к этому вопросу.

Спасаясь от глухой и неумолимой враждебности, одинокий Хожиняк сближается с единственной в деревне польской семьей — семьей Плонских, у которых живет также ин-

женер Карвовский, получивший от государства в порядке так называемой комасации право на половину всей вылавливаемой крестьянами рыбы. Хожиняк добывается руки молодой Плонской, Ядвиги.

Ядвига Плонская — сложный, трагический образ. И корни этого трагизма в том, что Ядвига, оказавшись в центре столкновения двух непримиримых лагерей — угнетателей и угнетенных — не нашла в себе достаточных сил, чтобы пойти против общепринятых условностей. Семья умершего помещика Плонского, некогда владельца поместья Луки в России, затем, еще до революции, разорившегося, не в состоянии слиться с окружающей средой потомственных бедняков — полешуков. Но если мать, кичливая, спесивая старуха, питает отвращение к населению, в чем, надо сказать, пользуется взаимностью, то ее дочь, Ядвига, выросшая в полесской деревне, тяготеет к местным жителям, охотно принимающим ее в свою среду: полесский бедняк не заражен чувством национального шовинизма и доверчив к тем, в ком видит друга.

Эти искренние, теплые отношения, установившиеся у Ядвиги с жителями деревни (достаточно красноречиво, например, то участие, которое Ядвига принимает в судьбе тяжело заболевшей крестьянки Маркутовой), еще более укрепляются под влиянием ее любви к Петру Иванчуку. Встречи с Петром оставили глубокий след в сознании Ядвиги. Коммунист Петр в свою очередь увидел в ней друга: он оставляет ей перед своим арестом пачку важных документов, которые Ядвига бережно хранит в бочке с зерном. Образ Петра, осужденного на 10 лет по обвинению в коммунистической пропаганде, неотступно стоит перед взором Ядвиги. После ареста Петра Ядвига так подавлена, ее воля настолько парализована, что матери, все еще живущей в мире воспоминаний о «былом величии», удается в конце концов осуществить свой план — выдать Ядвигу за осадника. Василевская рисует почти патологическое безволие, пассивность Ядвиги; порой даже кажется, что чувство меры изменило писательнице: Ядвига точно пребывает в транс, она походит на сомнамбулу. Согласие Ядвиги на брак с нелюбимым ею Хожиняком исторгнуто у нее матерью в результате сильнеешего давления. Но пусть Ядвига «заслуживает снисхождения»: с той самой минуты, когда она связала свою жизнь с осадником, она стала чужой, даже врагом для своих односельчан. Эта перемена в отношении к Ядвиге определялась суровым неписанным законом борьбы поработенной массы против колонизаторов.

В последней главе книги Василевская рисует мучительные раздумия Ядвиги в одну из первых ночей после свадьбы. Покинутая друзьями, Ядвига, стоя у окна нового дома

Хожиняка, своего дома, вслушивается в доносящиеся из деревни голоса девушек, распевających русские песни о тяжелой доле каторжников, о тюремной решетке и кандалах. Молодая женщина ощущает безмерность своего одиночества, всю трагичность своей судьбы, судьбы человека, потерявшего точку опоры в жизни, человека, раздавленного в этом столкновении враждебных антагонистических сил. Василевская питает глубокую жалость к молодой Ядвиге Плонской, в которой видит жертву условий, порожденных шовинистической национальной политикой польской буржуазии. Но вместе с тем Василевская, которая не скрывает своей симпатии к страдающей Ядвиге, показывает, что Ядвига, изменив делу и памяти Петра, предав людей, принявших ее в свою среду, неизбежно должна была остаться в одиночестве, ибо, каковы бы ни были субъективные намерения и мотивы поступков Ядвиги, с точки зрения ольшинцев она — предательница.

Так Василевская скрещивает жизненные пути Ядвиги и Хожиняка и сводит к одному знаменателю их поступки — несмотря на все глубокое различие в их характерах и во всем их моральном облике, несмотря на совершенно различные мотивы, лежащие в основе их действий, несмотря на совершенно различное отношение писательницы к каждому из них.

3

Предпринятые Хожиняком поиски Ивана ни к чему не приводят. Местная власть в лице полицейского «коменданта», алкоголика и отъявленного труса Сикоры, явно оказалась несостоятельной — и в деле Хожиняка, и в борьбе против крестьянской стихии. Тогда на полицейский пост прибывает «подкрепление» — молодой сержант Людзик, который становится на время центральной фигурой «правительственного лагеря» в Ольшинах.

Василевская опять-таки не идет проторенными путями. Ее Людзик не солдафон, не держиморда. Но он во стократ опаснее, — он полицейский «новой формации», который к тому же на свое назначение смотрит, как на способ сделать большую полицейскую карьеру. Для этого сперва нужно устранить обанкротившегося Сикору. Комендант Сикора говорит Людзику: «видите сами, что это за край, край богом и людьми проклятый... Спи с винтовкой в руках, закрывай ставни, а то бес его знает, что может случиться; вот уже и нервы отказываются служить мне». Нет, Людзика это не пугает. Он человек с «идеологией», с идеологией колонизатора, охранника, хищника. Его приводит в бешенство уже одна мысль о том, что власти Речи Посполитой могут потерпеть поражение в столкновении с какой-то «бандой хамов». Он издевает-

ся над страхами Сикоры. «Мы ведь во стократ сильнее мужиков. На нашей стороне превосходство — власть, право, опыт, сила. Нет, за них надо браться совсем иначе».

И Людзик принимается за поиски Ивана, никому не доверяя этого дела, ни с кем не желая делить лавры победителя. Начинается долгая, упорная, жестокая, молчаливо беспощадная борьба между полицейским Людзиком и полесским крестьянином-бедняком Иваном. Василевская ведет нас по топям и болотам в лесные чащи. Есть что-то от Джека Лондона в этом неустанном, неукротимом, не знающем ни дня ни ночи единоборстве Ивана и Людзика, — единоборстве, которое Василевская возводит до степени символического изображения столкновения двух непримиримых сил: пана и мужика, оккупанта и бесправного раба.

Эта борьба идет как бы в два тура. Первый из них заканчивается поимкой Ивана. Это случилось однажды ночью, когда Людзику удалось обнаружить Пискора в его собственном дворе, куда, затравленный, измученный бесконечными переходами, голодный, он пришел тайком. Скованный Иван был теперь в плену у полиции, и торжествующий Людзик, уже предвкушавший будущее восхождение по лестнице полицейской славы и карьеры, решил отвезти свой победный трофей в город. И вот, в ту минуту, когда телега делала поворот, произошло нечто совершенно для Людзика неожиданное: Иван стремительно отталкивает стражника и с быстротой молнии бросается в густые заросли и мгновенно исчезает.

Поиски возобновляются. Они завершаются гибелью Людзика от топора Ивана. Василевская не описывает этой последней роковой для Людзика встречи с Иваном в лесу. Этот эпизод происходит «за сценой». Позже, в своих дальнейших скитаниях, в одну из страшных, трагических минут, Иван увидит перед своим уже потухающим взором картину смерти Людзика, его стынущую руку, судорожно хватающуюся за снег. И это — в сущности все, что мы знаем о том, как расплатился Людзик за свою полицейскую ретивость, за свое честолюбие и жалкую мечту о полицейских лаврах. Но если Василевская не сочла нужным рассказать о том, как погиб Людзик, она, тем не менее, уделила целую главу последующим событиям, в частности приезду матери убитого полицейского и его похоронам. Вряд ли, однако, описание казенных похорон Людзика понадобилось писательнице только как контраст с трогательно простыми похоронами крестьянки Петручихи, или как повод, чтобы создать необходимую обстановку и настроение для первого серьезного объяснения Хожиняка с Ядвигой. Вернее всего это — дальнейшее углубление темы человечности «вообще», темы равенства людей

перед смертью, словом, темы той разновидности псевдогуманизма, которую мы встречаем у некоторых современных писателей Запада? Беседа Хожиняка и Ядвиги в саях, после похорон, дает нам все основания именно так расценивать намерения автора. В еще большей мере убеждает в этом рассказ о старушке-матери и ее горе, стремление писательницы во что бы то ни стало «очеловечить» полицейского Людзика. Да разве в самом отношении писательницы к истории Хожиняка, к его «мытарствам» мы не находим тех же элементов «человеческого, слишком человеческого»? Вот почему вся глава о похоронах Людзика вызывает серьезные сомнения в читателе, как художественно и идейно недостаточно оправданная. Но тем более необходимо отдать справедливость блестящему таланту Василевской и ее умению судить о явлениях не по внешним признакам. Она сумела — быть может, не без труда — преодолеть тот «психологизм», который грозил увлечь ее далеко в сторону от пути художественной правды. И, в конечном счете, Василевская с неотразимой убедительностью показала, что каковы бы ни были субъективные настроения или мотивы врага, их антинародный, враждебный делу передового человечества характер проявляется при первом же столкновении с действительностью, при первом серьезном их испытании. И уже в этом большая заслуга Василевской.

4

Писательница увидела и сумела показать процесс пробуждения масс, процесс созревания в массах идеи штурма. О росте революционного самосознания в массах свидетельствует отмеченный нами выше эпизод допроса крестьян в избе солтыса. О том же говорит и рассказ об организованной крестьянами стачке плотовщиков, когда стачечникам в течение продолжительного времени удается, несмотря на царящую кругом безработицу и голод, склонить одного за другим всех невольных штрейкбрехеров на сторону бастующих. Это уже не просто стихийный бунт, не бесцельное по существу уничтожение фруктовой рощи графа Острженского, которое мы видели в «Земле в ярме». Стачка плотовщиков — это планомерное, прекрасно организованное и к тому же почти беспрецедентное в этих краях выступление крестьян. Более того, в забастовку вовлекаются, наряду с крестьянами, и городские рабочие. Людзик, этот яростно злобствующий, но умный и проникательный враг, правильно оценил значение стачки. Он говорил Сикоре: «Допустим, что хозяин прибавит несколько золотых мужикам, а весной опять несколько золотых, — к чему же это в конце концов приведет? Я сам уговорил Вольского,

сказал ему, что нельзя уступать. Достаточно один раз уступить, чтобы затем уже не было с ними сладу. Иное дело, если бы пришли один, другой, попросили бы... Но ведь это организованное выступление, понимаете: организовано! И объединились к тому же все деревни! Начинают с требований о повышении платы за работу на плотях,—а кончат чем?»

Хотя Василевская как бы вполголоса говорит о революционных силах, действующих в недрах широких народных масс (несомненно, по цензурным условиям в панской Польше, с которыми Василевская, закончившая работу над книгой в мае 1939 года, не могла не считаться), мы восстанавливаем по отдельным штрихам картину революционного брожения в народных низах. Мы не видим, не знаем коммуниста Петра, осужденного на 10 лет тюрьмы, но незримое присутствие его в деревне, даже после ареста и осуждения, отчетливо ощущается на протяжении всего романа. Созданная им организация продолжает существовать. Об этом говорит хотя бы следующий факт. Однажды вечером, возвращаясь в лодке домой, Ядвига услышала в зарослях какие-то непривычные шорохи. «Напрягла зрение. Слышен был чей-то шопот, кто-то тихо, отрывисто рассмеялся в ответ. Различила в темноте два мужских силуэта. Два человека шли болотами, стороной, где никакой дороги к реке не было. Сжалось сердце. Значит, нет Петра, но дело его продолжается, точно ничего не случилось. Люди крадутся во мраке, — те, с которыми был близок Петр, — торопясь на тайную сходку. Кто же они, эти незнакомые друзья Петра? Силилась разглядеть в темноте. Но уже закрылась за ними стена камыша и все смолкло». Повидимому, к этой же организации принадлежит также Стефек, младший брат Ядвиги.

Что касается Ивана Пискора, то в нем мы прежде всего видим символическую, величественную фигуру неукротимого бунтаря, носителя самых глубоких и затаенных чаяний поработленного народа. В Иване Василевская сосредоточила всю силу тоски народных масс по свободе, по достойной человека жизни, всю силу ненависти к поработителям, к врагу. Только человек, верящий в великие социальные идеалы, способен с такой неистовой настойчивостью вести борьбу. Сила и величие этих идеалов для Ивана в том, что они органически связаны с той «страной на востоке», где «крестьянин — человек». Иван, уходя от врагов, шел на восток «в ту счастливую страну, где мужик — человек, а не гонимый зверь». В дни скитаний по болотам и топям одна мысль поддерживала в нем гаснущие силы — надежда на спасение там, на востоке. И когда, усталый и обессиленный, он забредет в глухие, непроходимые чащи, вдруг появится новое лицо—

проводник. Невидимыми тропами выведет он Ивана к реке и, указав дальнейший путь, путь к спасению, скажет только: «Будь здоров, товарищ...» — и исчезнет в чаще так же неожиданно и стремительно, как и появится. Значит, и здесь, в этой заброшенной пустыне болот и вод живут люди, живут товарищи...

Но Ивану не довелось добраться до цели. Встревоженный неожиданными выстрелами охотников за кабанам, он бежит в сторону, сбивается с пути, попадает в топь и гибнет, засасываемый трясинной. Картина гибели Ивана на пороге освобождения и спасения нарисована Василевской с потрясающей силой и надолго врезывается в память.

Но подобно тому, как на смену Петру пришли новые борцы, так на смену Ивану явились новые мстители. И быть может, в тот самый день и час, когда навсегда сомкнулась над Иваном трясина, два огненных столба взвились к небу над полесскими болотами, — это горел новый дом Хожиняка и контора инженера Карвовского, — «два огненных столба над черной землей, как крик протеста». И в этих заключительных словах романа звучит твердая вера писательницы в то, что неодолима сила народа, поднявшегося на борьбу за свободу.

5

Ряд глав романа, не имеющих непосредственного отношения к сюжетной канве, талантливо включен в ткань книги. Таков эпизод с больной Петруковой, которая отказывается от слишком дорогой для нее врачебной помощи и с фаталистической отрешенностью ждет смерти. Таково чрезвычайно красочное описание одного летнего дня в деревне (в главе пятой) и замечательные сцены ловли рыбы. Василевская знакомит нас с кулаком-ростовщиком Хмелянчуком и с его житейской философией — философией мироеда. Писательница ведет нас в город, описывает мощеннические махинации скупщиков скота, бессовестно надувающих крестьян. Мы уже говорили о стачке, занимающей одну из глав романа. Интересна эпизодическая фигура крестьянина Павла, этого «браконьера»; рассказ о том, как Павел шел в город в апелляционный суд, в своем роде шедевр. По-своему чрезвычайно любопытна и рельефно обрисована фигура солтыса — выборного старшины, тонко играющего свою трудную роль посредника между крестьянами и властями. В лице солтыса Василевская рисует активного, но осторожного и вдумчивого борца, прикрывающего свое служение делу родных и близких ему крестьян маской наивности, «душевной простоты». Особый аромат и теплоту придают всему произведению многочисленные рус-

ские песни, распеваемые девушками и парнями Полесья. Василевская приводит их на русском языке.

Рассказ о людях обрамлен замечательными описаниями природы Полесья. Стихия воды и леса передана Василевской с подлинно эпической силой. Она рисует пейзажи фантастической красоты, и край болот и трясин оживает под ее кистью. Весь годовой цикл: весна — лето — осень — зима — нашел отражение в целой серии живописных этюдов, которые придают всему роману чрезвычайную поэтическую свежесть и очарование. Эти этюды — сами по себе нередко подлинные шедевры литературной живописи — входят как органическая часть в произведение Василевской. Таково изображение сурового и тоскливого зимнего пейзажа в ту морозную ночь, когда в тоске и бессильной ярости Хожиняк отправляется за десять километров на полицейский пост к Сикоре и Людзику, рискуя поминутно сбиться с пути; таков поэтически проникновенный вечерний пейзаж, в который влетают тревожные думы мятущейся Ядвиги; таковы величественные панорамы лесов и болот, среди которых, теряя последние силы, Иван пробирался на восток, к границе сказочной страны.

Наконец, вся гамма красок, ритм полесской природы, ее медлительных рек, недвижная гладь ее озер, обманчивая поверхность ее топей и трясин — все это чудесно гармонирует с медлительно тусклой, инертной жизнью, под покровом которой идут могучие процессы пробуждения обездоленного и поработанного народа.

И в этом органическом, — а не внешнем, не чисто иллюстративном сочетании изображения природы Полесья с рассказом о человеческих трагедиях, — одна из наиболее пленительных особенностей романа Василевской.

«Огни над болотами» — большое произведение польской революционной писательницы Ванды Василевской. Поражаешься остроте политического зрения писательницы и ее художественной смелости, побудивших ее искать новую тему в таком заброшенном, «богом проклятом» крае как Полесье, среди его русского и белорусского населения. Остановить свой выбор на такой теме уже само по себе значило бросить вызов польской буржуазной государственности и общественности, польской буржуазной литературе. Василевская, как видим, пошла именно по этому пути и создала значительное произведение искусства, которое лишний раз свидетельствует в том, как много вправе ожидать советская литература от нашей, советской писательницы Ванды Василевской.